

Г.Г. Попов

ИСТМАТ АКТУАЛЕН?

До 1980-х гг. учение Маркса в СССР преподносилось в переработанной ортодоксальной форме, выхолащивающей и вульгаризирующей эту теоретическую парадигму. Большинство советских людей имело лишь поверхностные представления об этом учении, но при этом подавляющее большинство, чем дальше, тем более негативно воспринимало Маркса и его теории, что было связано с общим кризисом советской экономики и порожденной им «колбасной проблемой».

В то время как на Востоке марксизм был скорее мертв, чем жив, на Западе он продолжал творчески развиваться и трансформироваться в неомарксизм. Однако в нашей стране этому «новому» марксизму крайне не повезло. Еще двадцать лет назад книги видных западных неомарксистов можно было найти только в специальных хранилищах, к которым далеко не все советские граждане могли иметь доступ. В прошлом десятилетии интерес к Марксу и к концепциям его последователей вообще заметно ослаб, и зарубежные неомарксисты опять оказались «не ко двору». В вузах России социальные науки стали преподавать без явной опоры на «вечно живое учение Маркса-Ленина», но в то же время и без какого-либо явно выраженного методологического базиса. Впрочем, некоторые лекторы остались верны твердо заученному ими ортодоксальному марксизму. Еще большее число преподавателей продолжают пользоваться марксистскими концептами в неявной форме, часто даже не подозревая, что «говорят прозой».

Поскольку в 2000-е гг. увлечение либеральными идеями пошло на спад, настало время вспомнить и старый добрый марксизм. Речь идет, конечно, не столько о перечитывании работ марксистов столетней давности (хотя и у «древнего» Карла Маркса можно найти немало актуальных идей, плохо усвоенных в советские времена), сколько об открытии гораздо более молодого неомарксизма второй половины XX в.

Неомарксизм сам по себе является ответом на канонизацию Энгельсом учения Маркса в конце XIX в. Очень условно основателем неомарксизма можно считать Георга Лукача, ученика Макса Вебера (который, кстати, неоднозначно относясь к учению К. Маркса, считал основателя марксизма выдающимся ученым). Интересы неомарксистов в конце XIX–первой половине XX вв. концентрировались в основном вокруг социальной философии Маркса (особое внимание обращалось, например, на теорию отчуждения) и учения о капитализме. Исторический материализм вызывал у них меньше интереса.

После Второй мировой войны, несмотря на разгул официального антисоветизма, в научных кругах Великобритании и США обозначился резкий рост интереса к марксизму. Марксизм пришел в университеты и стал достоянием академических ученых, далеких от борьбы за «диктатуру пролетариата».

Одним из таких ученых стал Перри Андерсон, чья книга «Переходы от античности к феодализму» только через треть века дошла до российского читателя*. П. Андерсон (р. 1938) происходит из английского аристократического рода. Его увлечение марксизмом началось еще в 1950-е гг., во время обучения в Оксфорде. Именно П. Андерсону принадлежит термин «новые левые», которым обозначилось идейное направление среди британской молодежи 1950–1960-х гг., равно отвергавшее ленинскую ортодоксию и консервативные установки западных неолибералов. С 1962 г. он редактирует журнал «New Left Review», в котором публиковались не только западные интеллектуалы типа Сартра, Хабермаса, Валлерстайна и Бурдьё, но и советские «демократические марксисты» Рой и Жорес Медведевы.

Для Англии и США это было время торжества кейнсианства. Казалось, что скоро произойдет симбиоз социализма и капитализма, о чем писал Джон К. Гэлбрейт в конце 1960-х. Однако в стане неолибералов готовилось контрнаступление. Советский «застой» тоже внес весомую лепту в ухудшение популярности на Западе левых идей.

* Андерсон П. Переходы от античности к феодализму. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2007. 288 с.

Неолибералы и неоконсерваторы противопоставили марксизму и западной социал-демократии цивилизационный подход к изучению мирового развития (инициатором этого направления в научной мысли Запада можно условно считать Арнольда Тойнби). Своеобразной разновидностью этого подхода является позиция умеренных неолибералов Чарльза Телли и Уильяма Мак-Нилла, которые выдвигают «технологические» концепции социально-экономического развития человечества. Тем не менее, позиция леворадикальных обществоведов в осмыслении закономерностей социально-экономического развития остается довольно сильной. Мир-системный анализ Иммануила Валлерстайна заслуженно пользуется репутацией одной из наиболее остро обсуждаемых парадигм общественного развития. Но и «исторический марксизм» Перри Андерсона тоже востребован. В предисловии к русскому переводу его книги отмечается, что «работа Андерсона и сегодня считается непревзойденной по ее основному замыслу и охвату — выявить политэкономические структуры Античности и проследить их конфликтную динамику от возникновения полисной общины через три имперских цикла (афинский, эллинистический, римский) через Темные века до начала Средневековья» (С. 9).

Чтение книги П. Андерсона, изданной впервые в далеком 1974 г., позволяет не только насладиться наконец-то дошедшими до нас идеями неомарксистского исторического материализма, но и сравнить их с идеями более поздних историков-теоретиков, с которыми россияне, по иронии, познакомились заметно раньше.

Отношение П. Андерсона к Карлу Марксу не однозначно. Исторические изыскания автора — это не только попытка углубленного изучения развития европейской цивилизации через призму теории Карла Маркса, но и полемика с самим Марксом. Андерсон справедливо считал, что концептуальные взгляды Маркса, в общем-то, не шли дальше эпох перехода европейского общества от феодализма к капитализму и, собственно, капитализма. Переход от рабовладения к феодальной формации и проблемы азиатского способа производства рассматривались Марксом гораздо менее углубленно. Однако без этого, как верно полагал П. Андерсон, невозможно познать причины разложения

феодалного строя и, соответственно, генезиса капитализма. Таким образом, Маркс изучал историю с конца, т.е., от современности и далее, в глубь веков. Андерсон предложил идти в обратном направлении.

Хотя после первой публикации книги Андерсона прошло 35 лет, однако за эти годы в мировой научной литературе появилось не так много качественно новых работ, охватывающих макродинамику общества от Древности почти до Нового времени. Наиболее важными среди них являются труды Дугласа Норта, который рассматривает кризисы рабовладельческого строя и феодализма с институциональных позиций. Смена технологий и философских установок меняли, по мнению Норта, институты, что в свою очередь трансформировало экономику. Андерсон оказался практически единственным серьезным оппонентом западных обществоведов, придерживавшихся схожих с Нортом взглядов.

В то же время у П. Андерсона есть немало общего с Ричардом Лахманом и Чарльзом Телли, которые тоже отводят городам ключевую роль в кризисе феодализма. Однако ключевая роль города в кризисе феодализма — это едва ли не единственный тезис, на котором сходятся институционалисты-макросоциологи и «исторический материалист» Перри Андерсон.

Таким образом, П. Андерсон олицетворяет собой противостояние истмата современной институциональной теории, оперирующей технологией и культурными установками.

В труде Андерсона показана картина развития общества через рост производительных сил. Но, в отличие от К. Маркса, автор рецензируемой книги не считает, что производственные отношения всегда отстают от роста производительных сил. И это — центральная концептуальная идея его книги.

Разумеется, Перри Андерсон в некоторых своих суждениях опирается на устаревшие историографические данные. Например, он считает латифундию почти постоянной преобладающей хозяйственной единицей в Римской империи, хотя есть новые исследования римской истории, доказывающие, что в период «надлома» империи преобладало среднее хозяйство. П. Андерсон отрицает применение водяных мельниц в Римской империи, однако ряд исследований опровергает данный факт. Далее, Ан-

дерсон отрицает значительный естественный прирост рабов в Риме, но еще М. Вебер доказывал обратное, и многие новейшие исследования подтверждают именно точку зрения Вебера.

Хотя П. Андерсон и «перегибает палку», доказывая косность римского общества, но доля истины в его рассуждениях, несомненно, есть.

Во-первых, латифундии хоть и были эпизодом в ряде провинций Рима, но есть точные данные, что в Испании они хорошо прижились и продолжали процветать даже во времена владычества готов. Даже арабы не стали упразднять эту форму организации хозяйства. Это говорит в пользу высокой рентабельности латифундий. Если они были так широко распространены в Испании, то почему бы им не преобладать в Италии и Галлии? Вероятно, что удар по латифундиям в Западной Европе нанесли фискальные и военные мероприятия некоторых императоров, но это — уже совсем другая история.

Во-вторых, естественный прирост рабов хоть и был, но он нередко нарушался, судя по тому, что стоимость раба в Риме все время росла. Вебер признавал, что был период в истории Рима, когда широко практиковалось казарменное рабство, но уже в первый век Империи от него стали уходить. Именно казарменное рабство описывает Перри Андерсон, и здесь он, конечно же, преувеличивает, перенося данную экстремальную форму неволи на весь период расцвета Римской империи.

Для российского читателя работа П. Андерсона актуальна еще и тем, что она с объективных материалистических позиций объясняет причины формирования различий между Россией и Западом. Это очень полезно, поскольку на российскую читающую публику обрушился целый вал «патриотической метафизики»: Россия определялась как отдельная и совершенно уникальная цивилизация, в рамках которой невозможны ни демократия, ни капитализм, ни правовое государство.

П. Андерсон ставит средневековую Россию в один ряд с Польшей, Чехией и Пруссией. Это — интересный ход мысли, поскольку в большей части западной и отечественной литературы Русь представлена полуазиатской страной. Дело в том, что западные ученые и многие американские советологи изучают историю допетровской Руси по трудам Г. Вернадского, который

фактически оставался всегда евразийцем. Вернадский проработал большую часть своей научной карьеры в США. Самое главное, западная научная мысль в конце прошлого века начала отрицать единство исторического развития мира, произошло раздробление мировой истории на своего рода «клетки» цивилизаций. Разумеется, нельзя отрицать уникальность каждой цивилизации, но рядом западных ученых этот принцип был доведен до абсолюта.

Рассмотрим наиболее важные идеи книги П. Андерсона про «переходы от античности к феодализму».

Из названия книги видно, что автор считает античность и рабовладельческий строй синонимами. По его мнению, рабство на Востоке никогда не занимало ведущей позиции в экономике, при этом линия разделения Запада и Востока проводится им между устьем Эльбы и полуостровом Истрия. Эта линия определилась, как считает Андерсон, еще во времена Александра Македонского, и с тех пор различия между двумя системами продолжали углубляться вплоть до образования Византийской империи и появления славянских союзов племен. Социально-экономической причиной этого разделения, по мнению британского ученого, были различные позиции рабства на Западе и на Востоке.

В Персии времен Ахеменидов и ранее рабовладение имело вспомогательные функции в экономике деревни и города. В противоположность этому античные греки превратили рабство в ведущую силу своего производства. В Персии и других государствах Востока оставалась сильной крестьянская община, а сам общественный строй больше подходил под определение азиатского способа производства (хотя П. Андерсон этот термин не употребляет).

В Древней Греции, напротив, община ослабла, ее заменили полисные структуры, в основе которых лежала морская торговля и порожденное ей сильное социальное расслоение, которое и положило начало разложению общины. Атрибут восточного государства — царская власть — был упразднен в Греции еще в архаический период.

Таким образом, разложение крестьянской общины на Западе и облегчение этим распространения рабства в античной Греции дали толчок образованию уникальной общественной системы,

четко отделенной от остального мира, это — цивилизация Запада. Так примерно П. Андерсон видит проблему антагонизма Востока и Запада, европейских и неевропейских обществ.

Но не надо путать «феномен Запада» Андерсона с «феноменом Запада» Норта или противостоянием цивилизаций С. Хантингтона. У П. Андерсона нет духовных (культурных) коллизий между Европой и неевропейскими обществами. Причины изменения развития Запада в древности заключаются в чисто социально-экономических процессах в рамках Южных Балкан, а не в религиозных и философских исканиях эллинов или же в неблагоприятном составе почв Аттики, как считал А. Тойнби. Как показал Андерсон, Восток и Запад прекрасно сосуществовали в рамках эллинистической системы государств и в Римской империи.

Дальнейшее углубление антагонизма между Востоком и Западом связано с римскими завоеваниями в Галлии и германских землях. Дело в том, что народы Европы в древности развивались крайне неравномерно, когда в Элладе расцвела цивилизация, в трехстах километрах к северу от нее еще сохранялись варварские общества. Такая же ситуация имела место в Западном Средиземноморье — цивилизованная Италия оказалась противопоставленной галлам-варварам.

Кельтские народы находились еще на стадии начального разложения первобытнообщинного строя, когда в Галлию пришел Цезарь. П. Андерсон считал, что к северу и западу от Италии варвары сохраняли чисто первобытнообщинный строй. У них не было государственности, поэтому римлянам не стоило большого труда завоевать их и превратить большую часть кельтов в рабов, которые обрабатывали латифундии римских патрициев.

Другое дело — Восток. В Малой Азии, Сирии, Палестине и других азиатских землях, вошедших в состав Римской империи, сохранялась сильная крестьянская община, она существовала также на большей части территории Балкан. Противодействовать ей у римлян, по всей видимости, не было сил, да и потребности, ведь к Западу от Италии лежали земли, чьи народы легко можно было обращать почти целиком в рабство.

Таким образом, в восточных провинциях Рима, по Андерсону, латифундия и ее главная производительная сила — рабс-

тво — оказались невозможными из-за сохранения здесь сильной крестьянской общины. Поэтому частная собственность на Востоке хотя и имела место, но носила мелкий характер, не играя серьезной роли в производственных процессах.

Крестьянская община Востока тяготела к сильной царской власти. Именно она стала опорой византийских императоров, построивших на основе восточных провинций Рима фактически азиатскую монархию. Как заметил П. Андерсон, в Византии большинство влиятельных государственных чиновников происходило из числа мелких землевладельцев. Во всяком случае, ни на Балканах, ни в Малой Азии не существовало крупных земельных магнатов. В основе политической жизни Западной Римской империи лежали, напротив, интересы крупных землевладельцев — римских патрициев.

Именно земельные магнаты Запада, по мнению Андресона, уничтожили своей политикой Римскую империю, а не варвары. В интересах патрициев было ослабление армии и передача командования над нею иноземцам, в частности, германцам. В IV–V вв. н.э. в Западной Римской империи появилось много отрядов германских конфедератов, которые были альтернативой, в глазах римских патрициев, своевольным итальянским и балканским легионерам, часто ставивших власть в империи под свой контроль. Главной же социально-экономической причиной упадка Римской империи он считает снижение численности рабов, поскольку естественное воспроизводство было ограничено условиями жизни и труда.

Институт рабства с германским завоеванием Запада никуда не исчез, но латифундии были потеснены аллодами германцев и манорами их королей. Симбиоз разлагавшегося первобытнообщинного строя германцев и римского рабовладельческого строя окончательно оформил институциональное ядро цивилизации латинского Запада.

Восток в раннем Средневековье, в отличие от Запада, продолжал развиваться по правилам, сформировавшимся еще в эллинистических государствах: это — сильная крестьянская община, опирающаяся на нее царская власть, не имеющее самоорганизации городское население, подавление государством предпринимательства и частной собственности. Лишь западные славяне и венгры

пошли по западному пути, заимствовав у Латинской Европы ее институты, но сохранив при этом свободное крестьянство.

Таким образом, после германских завоеваний Запад пошел по пути симбиоза разлагавшегося рабовладельческого строя и варварских институтов, а Восток продолжал базироваться на патриархальных институтах.

Очень интересен проведенный П. Андерсоном обобщающий анализ развития институциональных систем древнего Средиземноморья. У Андерсона нет отсталых и передовых форм общественного устройства древних обществ (за исключением совсем уж первобытнообщинного строя кельтов и германцев). Как показано британским историком, древние общества в зоне Средиземного моря выбирали альтернативу развития между тремя формами общественного устройства: аристократическая республика, тирания, полисная демократия.

Эллада, например, прошла длинный путь от аристократической республики к полисной демократии.

Аристократическая республика была уничтожена народными массами, которые в различных частях Греции возводили на престол тиранов. Причиной этому стала слишком большая концентрация власти и собственности в руках аристократов, что происходило не без влияния института рабства. Затем система тирании, при которой вводилось равенство в городах-государствах, а социальные преимущества имел только тиран и его окружение, была разрушена народом. Возникла полисная демократия, в рамках которой государство не допускало слишком большой концентрации богатства у отдельных лиц. Демократическое государство в Древней Греции, как справедливо считал Андерсон, стремилось не допустить распространения крупной земельной собственности, и это обстоятельство имело фатальные для античной Греции последствия.

Греция оставалась до конца своей независимости политически раздробленной, потому что в ней не сложилась страта крупных земельных собственников. Мелкое земледельческое хозяйство имело менее отдаленный предел роста, нежели обрабатывавшаяся рабами латифундия.

Рим в этой связи продемонстрировал противоположность Элладе. У римлян сильная земельная аристократия не допусти-

ла тирании и сохранила республику крупных землевладельцев, правда, при ограниченном допущении к власти представителей плебеев.

Замена республики империей на самом деле не изменила расстановки политических сил в Риме. Просто военная власть получила больше прав и полномочий за счет Сената. Однако экономические привилегии патрициев никто не посмел тронуть. Именно с установлением империи и возникли первые предпосылки перехода от Античности к феодализму.

Таким образом, с экономической и военно-политической точек зрения, древнегреческий полис нисколько не являлся самой передовой формой общественного устройства в Древнем мире. Из его альтернативы — аристократической республики — выросла сильнейшая за всю древнюю историю империя. Приведенные три альтернативы — это словно ветви, идущие от одного ствола, общинного государства, во главе которого находится царь (племенной вождь).

В отношении к проблемам феодализма П. Андерсона можно причислить к сторонникам концепции феодальной революции в Западной Европе. Здесь он не оригинален, относя время генезиса феодализма к эпохе Карла Великого. Собственно, империя Карла Великого и создала феодализм, как полагает Андерсон. До этого, по его мнению, в Западной Европе существовали сильная крестьянская община и латифундии позднего римского типа. При Карле Великом возникла феодальная верхушка, которая развила зародившиеся еще в римский период институты колоната и патроната, из которых в Средние века и выросли крепостная зависимость и вассалитет.

Андерсон подкрепляет свои доводы по поводу феодальной революции фактами более позднего развития периферийных обществ латинского Запада. Так, в Испании и Скандинавии, где феодализм пустил корни позже, насильственное закрепощение крестьян и захват феодалами общинных земель происходили при поддержке королевской власти и в короткие сроки. Эти периферийные земли Запада находились в схожих с Францией эпохи Меровингов условиях; это говорит в пользу того, что и во Франции до Карла Великого не было весомых предпосылок для эволюционного установления феодализма.

П. Андерсон нигде не употребляет термина «феодалная революция», но его рассуждения говорят сами за себя. Социально-экономические изменения в странах, переходивших к феодализму, принимали революционный и насильственный характер. Так как феодализм был плодом революции, то он не воспринимался большинством европейцев как естественный порядок, отсюда, вероятно, возник и кризис этого порядка. Идеи того же порядка высказывал Ж. Дюби, французский историк, которого тоже можно отнести к неомарксистам, именно он и создал законченную концепцию феодальной революции.

Как и Ж. Дюби, Перри Андерсон определяет феодализм как общественную систему, при которой непричастные к производству войны присваивали произведенный крестьянами продукт. Примечательно, что вне этой системы оказываются города. Они у Андерсона противопоставляются феодалам, и это имеет ключевое значение для понимания кризиса феодализма в его интерпретации.

Таким образом, в основе феодального строя находится социально-экономическая связь феодала и крестьянина. Если феодал извлекает выгоду из эксплуатации крестьянина, то сохраняется феодальный строй. Если же крестьянин более не может терпеть эксплуатацию, то этот строй вполне может рухнуть.

П. Андерсон консолидируется с М. Блоком в вопросе о собственности на землю в феодальной Европе. Юридически частной собственности на землю в Западной Европе при феодальном строе, по его мнению, не было. Единственным собственником земли формально выступал монарх.

По мнению Андерсона, предел росту феодальной экономики был положен кризисом экстенсивного хозяйства в XIV в. Труд крепостных крестьян не был столь продуктивен, чтобы длительно поддерживать рост феодальной экономики. Тогда Западная Европа погрузилась в череду смут, в ряду которых находятся и крестьянские восстания, сыгравшие одну из главных политических ролей в дефеодализации Европы.

Подобно Блоку, П. Андерсон разделяет феодализм на два основных этапа развития — ранний (VIII–XI вв.) и поздний (XI–XIII вв.). Второй период — это взлет экономики Западной Европы, которая в это время превосходит Римскую империю по

темпам социально-экономической динамики. Произошло это за счет того, что феодалы были более заинтересованы в развитии аграрной техники. После XIII в. начинается кризис феодализма, здесь Андерсон также консолидируется со многими французскими медиевистами.

Таким образом, по Андерсону, получается, что феодализм начался как революция сверху, а завершился через эволюцию хозяйственной деятельности, будучи вытеснен окончательно уже в Новое время капитализмом. Европа оказалась охвачена феодализмом неравномерно, особенно если брать раннее Средневековье. В Восточной Европе остался широкий слой свободных крестьян. В этом контексте интересны его рассуждения об истории феодализма на Востоке, в частности, в России.

Экономика Киевской Руси характеризуется П. Андерсоном как система, совмещавшая рабовладельческие хозяйства и первобытнообщинный способ производства. Надо сказать, что эти идеи высказывались русскими историками еще в конце XIX в. Андерсон также согласен с К. Марксом и с советской традицией в медиевистике относительно оценки влияния кочевых обществ на Восточную Европу. Монгольская империя и ее преемники представлены у Андерсона как примитивные системы, основанные на эксплуатации земледельцев номадами. Именно из-за «кочевнического тормоза», по мнению П. Андерсона, произошло второе издание феодализма в Восточной Европе, а не из-за революции цен, как считал Ф. Энгельс. Андерсон доказывает, что наступление феодалов на свободы крестьян и городов началось в Восточной Европе задолго до открытия Америки. На Руси монгольское нашествие замедлило процесс развития феодализма, который имел очень своеобразную форму, где эксплуатация крестьян была минимальной.

Второму изданию феодализма в Восточной Европе предшествовал экономический кризис, порожденный истощением серебряных рудников, эрозией почв из-за примитивных методов земледелия и прекращением миграции с Запада. Также была и внешняя причина — спад цен на зерно в Западной Европе, куда Польша и другие страны Восточной Европы экспортировали рожь. Однако эти причины лишь внешне и косвенно коснулись Руси. Кризис феодализма в русских землях начался, по Андер-

сону, раньше, чем в остальной Восточной Европе, и причиной тому были именно монгольские завоеватели.

Несмотря на различия между Русью и остальной Восточной Европой, П. Андерсон полагает, что их траектории развития были аналогичны. Русь все-таки шла в эшелоне феодальной Европы. В одно и то же время на Руси, в Польше, Чехии и Пруссии произошла феодальная реакция, выразившаяся в наступлении феодалов на города и крестьянские свободы. Слабость городов открыла на востоке Европы феодалам широкие возможности для эксплуатации крестьян, что было невозможно на Западе, где, наоборот, город победил феодала.

Работа П. Андерсона дает обильную пищу для размышлений. Российскому читателю должен быть интересен подход Андерсона к определению места Руси в мире, которая, по его мнению, есть все-таки европейская страна, ставшая жертвой второго издания феодализма и пережившая судьбу, схожую с Польшей, Чехией, Восточной Германией и Венгрией.

Конечно же, нельзя согласиться со всеми концептуальными взглядами Перри Андерсона.

Скажем, вызывает сомнения тезис, что феодальное хозяйство вызвало экономический рост в Западной Европе в XI–XIII вв. Сам же Андерсон пишет, что хозяйство свободного крестьянина в Венгрии было намного эффективнее поместья польского шляхтича. К тому же, надо учесть, что Византийская империя, в которой сохранилась античная крестьянская община, в экономическом аспекте долгое время лидировала в Европе, вызывая зависть у итальянцев. Вполне возможно, что рост экономики феодальной Европы был вызван экзогенными факторами (например, притоком товаров из арабского мира, что спровоцировало развитие рынка в самой Европе).

П. Андерсон указывает на негативный характер монгольского завоевания для Восточной Европы. Однако именно монгольское завоевание во многом способствовало собиранию земель вокруг Москвы, до этого никакой идеи политического единства в русских землях просто не существовало. Монголы XIII в. и ордынцы XIV в. — это два разных народа, по-разному оказывавшие влияние на институциональную трансформацию Руси. Золотая Орда — это уже наполовину земледельческая

культура, поэтому ее связь с Русью не могла выражаться исключительно в системе отношений «хищник-номад, грабящий жертву-земледельца».

Андерсон недооценивает византийского влияния на славян. Он считает, что славянский мир оказался периферийным в отношении к Европе. Однако славяне и, судя по всему, их предки вошли в контакт с античными обществами еще до нашей эры через Крым, устья Днепра, Дона и Дуная. Крым долгое время был провинцией Византийской империи. После переноса столицы империи в Константинополь центр тяжести античной культуры оказался смещен с Запада к берегам Мраморного и Черного морей. Таким образом, влияние византийцев на славян (пусть даже у византийцев рабовладение было развито намного слабее, чем в Италии) должно было стать серьезным.

Книга Перри Андерсона, несомненно, является одной из крупных вех в развитии общественных наук. Но это, конечно, отнюдь не последняя веха.